

57. Трепавлов В.В. Тюркская знать в России (Ногаи на царской службе) // Вестник Евразии. М., 1998. № 1–2 (4–5). С. 101–114.
58. Трепавлов В.В. Белый падишах // Родина. 2003. № 12. С. 89–92.
59. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999.
60. Тузмухамедов Р.А. Международно-правовые и международные аспекты возникновения и распада Золотой Орды // Московский журнал международного права. 1995. № 1. С. 12–23.
61. Федоров-Давыдов Г.А. Смерть Бату и династическая смута в Золотой Орде в освещении восточных и русских источников (источниковедческие заметки) // Археология и этнография Марийского края. Вып. 21. Йошкар-Ола, 1992. С. 70–82.
62. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.
63. Федоров-Давыдов Г.А. Торговля нижневолжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1998. С. 38–59.
64. Черепнин Л.В. Монголо-татарское иго на Руси // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 186–209.
65. Guines I. de. Histoire Generale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartars. Paris. 1756.
66. D'Ohsson C. Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-khan. Paris, 1824.

Лушников Олег Вадимович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Пермского государственного педагогического университета; perm-asha@mail.ru.

Б.Р. Рахимзянов

К вопросу о «буферных зонах» во взаимоотношениях поздней Золотой Орды и северо-восточных русских княжеств*

Статья ставит своей целью мониторинг мнений специалистов по спорным моментам истории ордынско-русских взаимоотношений второй четверти XV в. Поэтому все изложенное в тексте является дискуссионным и в некотором роде провокационным. Обмен мнениями поможет лучше разобраться в скудном, а потому дающем пищу для взаимоисключающих версий истории, материале источников.

Теория «движущейся границы», созданная на рубеже XIX–XX вв. американским историком Ф.Дж. Тернером² на материале истории США, подчеркивала существование в североамериканской истории пограничных зон («фронтира» – frontier), в которых под влиянием окружающей среды образовывался особый уклад общественной жизни, оказывавший формирующее влияние на весь процесс развития государства. В истории США такой зоной была западная граница, обусловившая демократический характер американской государственности.

В 70-е гг. XX в. на основе «теории границы» американским историком Дж.Вечински (J. Wieszynsky) была выработана концепция средневековой российской истории, согласно которой русская колонизация в южном и восточном направлениях привела к появлению у России своего «фронтира» и противостоянию Российского государства со своей границей и складывавшимся здесь «пограничным духом» свободы и примитивной демократии. Успехи российской восточной политики XV–XVI вв. рассматривались в связи с этим как важнейшая предпосылка для формирования российского «фронтира».

В 80–90-е гг. XX в. изучение восточной политики России в аспекте теории «движущейся границы» продолжало оставаться важным направлением англо-американской историографии. При этом ее акценты все более смещались от изучения влияния границы на развитие российской государственности к исследованию восточной российской границы в XVI в. как места встречи и взаимодействия разных цивилизаций и культур.

В данных теоретических выкладках имеется рациональное зерно, которое можно адаптировать на конкретном эмпирическом материале к периоду и до взятия Казани, так как предпосылки для этого существовали и до 1552 г. Я постараюсь продемонстрировать это на материалах взаимодействия поздnezолотоордынского государства (того, что представлял из себя Великий Улус в первой

* Работа выполнена при финансовой поддержке Gerda Henkel Stiftung (грант AZ 09/SR/10).

² Фредерик Джексон Тернер (Frederick Jackson Turner) (14 ноября 1861 – 14 марта 1932) – американский историк начала XX в. Наибольшую известность ему принесла книга «Значение границы в американской истории» (The Significance of the Frontier in American History).

половине XV в.) и сложившихся на его основе татарских ханств с северо-восточными русскими княжествами – Московским, Рязанским и Нижегородским.

По своему географическому положению Великое княжество Рязанское находилось ближе всего к Степи. В этой связи контакты Рязани и Орды были весьма интенсивными, причем зачастую недружественными – земля подвергалась многочисленным грабительским набегам татар. Неспроста московские летописцы иногда описывают рязанцев как диких и буйных, практически уподобившихся самим татарам. Но были и контакты иного рода, так как именно смежные земли Рязани и Москвы (Мещера) в дальнейшем послужили базой для формирования такого длительного форпоста Джучидов на Руси, как Касимовское ханство. Видимо, в том числе из-за географического положения ордынские представители рассматривали рязанские земли как удобный во многих отношениях территориальный «опочив», а то и «юрт». Причем корни такого отношения к данной территории имеют давнюю историю, захватывающую еще XIII в.

Летом 1400 года объединенные войска князей Олега Рязанского, Ивана Пронского и Тита Козельского совершили поход на Червлёный Яр – междуречье Дона и Хопра [11, с. 55]. Как отмечает Ю.В. Селезнев, «в середине XIII века данные земли оказались под властью монголо-татар в составе Джучиева улуса». Он пишет, что «Червлёный Яр необходимо рассматривать как составную часть Ордынских земель» – улус, появление которого можно отнести к 1240–1250-м гг., то есть ко времени образования Золотой Орды и учреждения других улусов. По сведениям русских летописей, в конце XIV века здесь кочевал султан Махмуд (Мамат-салтан, Мам'уд) (второй сын Ак-Суфи, старшего сына Сунджек-оглана, второго сына Тунки (Туки), второго сына Бадакула, старшего сына Джучи-Буки, второго сына Бахадура, второго сына Шейбана, пятого сына Джучи-хана) [5, с. 36], в подчинении у которого находились князья [7, т. 11, с. 184]. Вероятно, он и являлся главой данной территории. По ордынской социально-политической иерархии, султан являлся темником (владельцем 10000-го войска), а князь (бек) – тысячником (мог выставить 1000-й контингент). Таким образом, территория Червлёного Яра в конце XIV в. представляла собой улус-«тумен».

В то же время, по данным археологических исследований М.В. Цыбина, в XIII–XIV вв. территорию Червлёного Яра осваивали как русские, так и татары (половцы?). «Причём разноплановая направленность хозяйственной деятельности древнерусского населения и половцев позволяла им сосуществовать в одном районе» [12, с. 123–124]. Таким образом, улус состоял из представителей как оседлого (русского), так и кочевого (татарского (половецкого)) населения. При этом, ордынская администрация среднего звена (баскаки и сотники), по данным грамот митрополитов, была представлена православными, видимо, русскими людьми. В то же время, высшие командные и административные должности (темники и тысячники), вероятно, занимали татары, которые являлись мусульманами (о них нет упоминаний в грамотах). Такое положение дел подтверждается наличием на территории междуречья Дона и Хопра памятников с мусульманским погребальным обрядом [11, с. 58].

Итак, в XIV в. Червлёный Яр был улусом-«туменом», который состоял как из русского так и татарского населения. Но, на мой взгляд, его не стоит рассматривать как чисто ордынскую административно-территориальную единицу. Наличие на средних звеньях администрации русского населения говорит об обратном. Вероятно, эта территория была смежной ордынско-рязанской совместно управляемой территорией, каковой впоследствии стало, например, Касимовское ханство.

Червлёный Яр располагался на смежных землях сюзерена (Орда) и вассала (Рязань). Мещера (Касимовское ханство) также располагалась на смежных землях сюзерена (Москва) и вассала (Рязань). Рязань, в силу своей географической расположенности, была изначально, еще с 1240-х годов, активно вовлечена в ордынско-русскую систему взаимосвязей³. Как видим, на территории княжества в начале XV века присутствовали Джучиды. Таким образом, на протяжении XV в. просто произошла смена верховного сюзерена (вместо Орды покровителем Джучидов стала Москва), а поселения Джучидов, в том числе и в силу исторической традиции, на данных землях сохранились.

При этом я не вижу алогичности в факте похода русских князей на эти земли в 1400 году – Орда могла использовать данные территории как свой форпост на Западе, а Рязань соответственно могла данный форпост «утихомиривать», когда он проявлял чрезмерную активность. При этом страдало и русское население улуса, так же как и страдало мусульманское при походе крымского клана Ширин в 1517 году на Мещеру (Касимовское ханство), когда крымцы «и бесерменью

³ Например, Рязань была вынуждена официально признать свою зависимость от правительства Едигея, в то время как Москва могла позволить себе не делать этого – до нее ордынским отрядам было труднее дойти.

(мусульман. – *Б.Р.*) в полон поимали в Мещере», а также «мещерскую бесерменью и попродали», хотя «того ... и в писанье (Коране. – *Б.Р.*) нет, что бесермена продати» [10, т. 95, с. 377–378].

Район Нижнего Новгорода, также близкий к Орде географически, тоже имел особое положение во взаимоотношениях с ней. Летописи содержат данные о том, что после изгнания из Сарая Улуг-Мухаммад *возможно* находился в Нижнем Новгороде восемь месяцев (1444–1445 гг.) [7, т. 27, с. 109–110; т. 25, с. 262–263, 395; т. 23, с. 151; т. 28, с. 103–104; т. 6, с. 170–172; т. 20, ч. 1, с. 257–258]. Улуг-Мухаммад восстановил Нижегородско-Суздальское княжество во главе с вставшими на его сторону представителями суздальских Рюриковичей – Василием и Федором Юрьевичами Шуйскими [4, с. 191–217; 6, с. 35–82]. Произошедшие события сделали реальным отрыв Нижегородского края от процесса образования Русского государства и ставили под удар само его возникновение. Не исключено, что формируя в Поволжье свой временный форпост (который в дальнейшем стал Казанским ханством), Улуг-Мухаммад, по-видимому, рассчитывал на нижегородские земли, т.е. на полный контроль над всей Средней Волгой и низовьями Оки [13, с. 230–231] до момента восстановления своей власти в Сарая.

После возвращения к власти Василия II в октябре 1445 г. казанские ханы, вероятно, считали своим законным правом выдавать ярлыки на Нижний Новгород. Обращает на себя внимание и то, что вплоть до конца 60-х гг. XV в. Нижегородский край исчезает из письменных источников [13, с. 232]. Мы не находим упоминания его в летописях. За вторую половину 40-х – 50-е гг. XV в. известны только три великокняжеских акта, точно относящихся к этому времени, на нижегородские земли. Все они касаются владений на самом западе края, в районе Гороховца [1, т. 1, с. 134, 144–145; т. 2, с. 492]. Поэтому вполне возможно, что территории к востоку, юго-востоку и югу от Нижнего Новгорода Василий II после 1445 г. не вполне контролировал.

Таким образом, пограничная территория Московии – Нижний Новгород – в мыслях Улуг-Мухаммада практически изымалась из конгломерата русских княжеств и непосредственно инкорпорировалась в Степные районы. Хотя это всего лишь догадки, составленные на основании летописных текстов (мы не можем знать, что на самом деле думал хан), они органично вписываются в предложенную концепцию русских буферных зон – смежных русско-татарских территорий, расположенных неподалеку от Степной зоны.

Апофеозом таких «буферных территорий» стало образовавшееся в первой половине XV в. Касимовское ханство. Это подтверждают некоторые фрагментарные данные источников. Приведу только некоторые примеры.

Когда в 1512 г. Василий III посадил в Касимове представителя враждебной Крыму большеордынской династии, это вызвало всеобщее возмущение в «Тахтамышевом царевом юрте» – «Над Нур-Довлатовыми и над Касымовыми слугами на *нашем юрте* недруга нашего сына Шаг-Влияра, того ли тебе пригоже, взяв, держати?» [10, т. 95, с. 520], гневно писали крымские беки московскому князю.

Клан Ширин, занимавший в Крыму и Мещере по знатности и по влиянию первое место среди других четырех кланов, имел к ней особо «ревнивое» отношение. В связи со сменой династии Ширинины начали по сути настоящую локальную войну против Москвы, двинувшись в поход на Мещеру [10, т. 95, с. 377, 520]. Хан Мухаммад-Гирей писал Василию III в 1517 г.:

«А из старины тот юрт наш. И нынеча брат мой князь великий о чем у меня на Мещеру не просит брата или сына; коли наш род был на Мещере, толды наших смел ли кто смотрити на Мещеру, ано из Мещеры люди шли к нам служить, а от нас в Мещеру, и толко то по старине не будет, и то всегда бытии воеванной Мещере» [10, т. 95, с. 377–378].

Это откровенное заявление говорит нам о том, что элита Крыма смотрела на юрт в Мещере как на еще одно степное владение, на которое определенные линии Джучидов имели потомственные права. Юрт был расположен на территории Московии и великий князь имел власть над ним, однако в то же время он рассматривался как Джучидский юрт. А в крымских глазах он являлся только юртом Гиреев. Действительно, этот московский юрт превратился для крымских слуг в дом-вне-дома, некий пункт, куда они приезжали служить династии Гиреев и получали материальную поддержку и возможности военной службы от Москвы [14, л. 107]. Можно вспомнить, как некоторые приближенные Нур-Даулета как приезжали, так и отъезжали из Мещеры в Крым и обратно [подробнее см.: 8, с. 73–74]. Также и соглашение 1508 г., заключенное с Абдыл-Латифом, оговаривало в качестве особого условия возможность свободного отъезда и приезда на службу в Мещерский Городок представителям четырехклановой системы Крыма [10, т. 95, с. 50–51]. Этот татар-

ский анклав, как возможно и другие татарские анклавы, становился интегральной частью степной системы «уделов-улусов» [14, л. 107].

Передача в 1512 г. этих хорошо обеспеченных земель в руки врагов Крыма и его кланов означала лишение этих кланов источников дохода. В то же время для Москвы, по мере ухудшения отношений с Крымом, оставить юрт в руках крымцев означало собственными руками создать «пятую колонну» на своей территории, особенно опасную в случае дальнейших военных действий. Мещерский Городок, расположенный на граничащих со Степью южных территориях, стал бы в таком случае клином, передовой базой для татарских рейдов на Московию, если бы он оказался в руках враждебных сил. Москва оказывалась в особо затруднительной ситуации, показывающей, насколько глубоко она стала интегрирована в политическую систему Степи [14, л. 108].

Таким образом, во взаимоотношениях северо-восточных русских княжеств и Степи немаловажное значение играл географический фактор – чем ближе к Степи, тем более интенсивно данная территория была вовлечена в мир Дешта. Возможно, именно поэтому в Литве поселения татар не привели к образованию государственных образований (юртов) – данные земли далеко отстояли от Дешт-и-Кипчака (еще дальше, чем Москва), и источники не сохранили данных о проживании на них тюркского населения до приезда Джучидов⁴, так как рядовые переселенцы просто не доезжали до них [Подробнее от татар в Литве см.: 9, с. 144–152; 3, с. 107–113]. Москва же вовлекалась в мир Степи в том числе и через свои буферные зоны – прежде всего, Рязань, а также Нижний Новгород, которые позднее стали неотъемлемой частью Московии, но и до этого были тесно вплетены в паутину московской политики.

Список источников и литературы

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. – М.: Изд-во АН СССР, 1952–1964. – Т. 1–3.
2. Временник Императорского московского общества истории и древностей Российских. – М.: Унив. Тип., 1851. – Кн. 10.
3. Думин С.В. Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском (XV–XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1987 г. / Отв. ред. А.П.Новосельцев. – М.: Наука, 1989. – С. 107–113.
4. Кучкин В.А., Флоря Б.Н. О докончании Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями // Актовое источниковедение: Сборник статей. – М.: Наука, 1979. – С. 191–217.
5. Материалы по истории по истории Казахских ханств в XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибратимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. – Алма-Ата: Наука, 1969. – 651 с.
6. Назаров В.Д. Докончание князей Шуйских с князем Дмитрием Шемякой и судьбы Нижегородско-Суздальского княжества в середине XV века // Архив русской истории: Сборник Российского государственного архива древних актов. – М.: Древлехранилище, 2002. – Т. 7. – С. 35–82.
7. Полное собрание русских летописей. – СПб.-М., 1841.
8. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. – 207 с.
9. Русина Е.В. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева «тьма» // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. – М., 2001. – Вып. 10. – С. 144–152.
10. Сборник императорского Русского исторического общества. – СПб., 1882. – Т.35; СПб., 1884. – Т.41; СПб., 1887. – Т. 59; СПб., 1895. – Т.95.
11. Селезнев Ю.В. «А переменит Бог Орду...» (русско-ордынские отношения в конце XIV – первой трети XV вв.). – Воронеж: Воронежский гос. университет, 2006. – 160 с.
12. Цыбин М.В. Древнерусско-половецкое пограничье второй половины XII – XIV вв. в Подонье // Археология и история юго-востока Древней Руси (материалы научной конференции). – Воронеж, 1993. – С. 121–124.
13. Чеченков П.В. Иван III и укрепление власти Москвы в Поволжье // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века (Мат-лы междунар. науч. конф. «Иван III и проблемы российской государст-

⁴ В случае же с Рязанью это прослеживается – в родословной князей Мещерских содержится информация о том, что «Князи Ширинские брань сотворили с Тул Бахметем Царем в большой Орде, и отступили от него на Волгу кочевать в лето 6606 (1097/1098 г. – ? – Б.Р.). Один Князь Ширинской Бахмет Усейнов сын пришел в Мещеру (около 1298 г. – Б.Р.), и взял ее войною да сел на Мещере» [2, с. 75]. Князья (беки) Ширин были тюркским кланом золотоордынской элиты, находившейся на следующей вниз ступеньке после династии Чингисхана, и равной династии Рюриковичей-Даниловичей. Видимо, они пришли в Мещеру со своим тюркским подвластным населением.

венности: к 500-летию со дня смерти Ивана III. Санкт-Петербургский государственный университет, 25–26 ноября 2005 г.). – Т. I. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – С. 230–243.

14. Kennedy C. The Juchids of Muscovy: a study of personal ties between émigré Tatar dynasts and the Muscovite grand princes in the fifteenth and sixteenth centuries / Ph.D. dissertation by Craig Gayen Kennedy. – Harvard, 1994. – 238 leaves.

Рахимзянов Булат Раимович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан; bulatraim@mail.ru.

И.М. Мургалеев

История Большой Орды: проблемы изучения

По истории Большой Орды до сих пор мы имеем дело не только со скудной источниковой базой⁵, но и с достаточно бедной историографией. Поэтому естественно, многие вопросы большордынской истории если и рассмотрены, то только как часть вопросов позднезолотоордынской истории.

С постепенным распадом Золотой Орды и образованием татарских ханств определялась и граница Большой Орды, за которой оставались центральные территории золотоордынского государства, а на перифериях укреплялись в качестве независимых ханов другие джучиды. Как видно из источников, уже в период Токтамыша появляются кроме верховного хана и другие «ханы» (например Бек-Булат и Таш-Тимур)⁶. Постепенно такие «ханы» отказывались признавать верховных ханов.

Ханы Большой Орды хотя и считали себя верховными главами всех татарских государств, однако процесс децентрализации пустил уже такие глубокие корни, что говорить о единстве не приходится. Чтобы поддерживать не только свои притязания на главенство среди джучидов, но и удерживать от разгрома саму Большую Орду, ее ханам приходилось вести активную внешнюю политику и создавать коалиции из татарских ханов, ногайских и узбекско-казахских беков, русских князей, Польши и Литвы, Венгрии и Османской империи.

Население Большой Орды, как видно из источников, оставалось кочевниками. Однако не только кочевым. Территория Большой Орды не состояла из сплошной степи, а ее население все еще торговало, например, зерном, через крымские порты. Функционировали и города, прежде всего это Хаджи-Тархан и Сарай. Однако, как известно, после военной кампании Тимура 1395–1396 годов городская система Поволжья была разрушена. Если раньше эта территория была демилитаризованной и была центром производственно-торговой системы, а причерноморские территории центром хлебопашества, то после разгрома Аксак Тимура и непрекращающихся столкновений между претендентами на ханский трон, жить в городах стало небезопасно. Закрытие османами черноморской торговли для европейцев, разрушение системы чингизидских государств привели к упадку оседлых центров и к усилению кочевого хозяйствования. В стране к политическому кризису добавились не только экономические, но и стихийные бедствия (засуха), болезни, чума [49, с. 442]. Уже к концу 1395 года начался голод, который продолжался несколько лет. Страшной была и чума, которая завершилась только в 1405 году и потом повторялась неоднократно.

⁵ Кроме русских летописей, основного источника по истории Большой Орды, наиболее важными являются и литовские метрики (хранящиеся также в РГАДА, фонд 389), которые сегодня активно изучаются белорусскими и литовскими исследователями (см. их последние издания в списке литературы [67–73]). Интересны в плане понимания взаимоотношений Крымского ханства с Москвой и Польшей ярлыки ханов, подготовленные Хусаином Фаизхановым и изданным В.В. Вельяминовым-Зерновым. Данный сборник ярлыков и писем отечественными историками практически не привлекается (причиной тому является и то, что многие российские исследователи не знают тюрки). Недавно этот важнейший источник о русско-татарских взаимоотношениях был переиздан в Турции [65].

⁶ Наличие ханов в поздней Золотой Орде, когда появляются кроме верховного хана еще и локальные ханы, по сути, является продолжением традиции периода империи, когда и сыновья Чингиз-хана также назывались ханами. Конечно, в период империи ханами именовались главы улусов, а верховные ханы – императоры каганом, кааном. Скорее всего, в поздней Золотой Орде верховный хан был ханом Тахт эли, а остальные просто ханами (главы улусов-джучидов?). По источникам не видно, что в Улусе Джучи использовался термин каган. Под влиянием мусульманских традиций верховные ханы могли называться хан ханов (ханнар ханы).